

Научные понятия и идеологический дискурс: единство противоположностей

Блюхер Ф.Н.

Аннотация: В статье рассматривается проблема различия исследований истории понятий и метафор. Обосновывается необходимость анализа литературных тропов для исследований смысла идеологии, лежащих в основании коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: Теория понятий, наука, идеология, коммуникация, религия, этика, эстетика, культура, литературная метафора.

Определение понятия есть специфически научная работа, протекающая в соответствии со строгими правилами логики. Точное родовидовое понятие есть совмещение объемов двух понятий, более широкого родового и более узкого видового. Более подробно об этом можно прочесть в любом учебнике логики. Там же, чаще всего, приводятся и основные ошибки, возникающие при дефинициях, которые сводятся в основном к нарушениям соразмерности объемов определяющих терминов. Но вот что любопытно. Понятия могут быть точными или ошибочными, но они не могут быть истинными или ложными. Потому что истинность или ложность относится к другому разделу логики, к учению о суждениях.

Данная ситуация имеет длительную историю идущую, по существу, еще от теории идей Платона. Анекдот про Аристотеля, принесшего на занятие к Платону ошипанного петуха, который соответствовал платоновскому определению человека (двуногий, без перьев), тому подтверждение. Мир, описанный через понятия, может иметь мало общего с реально существующим миром вещей. Более того, идеализированные понятия науки, например, «материальная точка» в физике Ньютона описывают абстрактные объекты, которые не могут существовать в действительности. Понятия вообще не соотносятся напрямую с действительностью, они созданы для уточнения наших познавательных средств, конструктивных особенностей нашего разума. А вот то, насколько эта конструктивная работа оказывается правильной или ошибочной, т.е. в конечном счете, истиной или ложной, выясняет многократно проводимая эмпирическая проверка результатов (законов), полученных в теории.

Данная ситуация позволяет ученым создавать описания предмета своего исследования в относительной независимости от сиюминутных потребностей политической или идеологической конъюнктуры. Ответ Лапласа «Я в этом понятии больше не нуждаюсь» на вопрос, где же место Бога в его концепции возникновения Солнечной системы, иллюстрирует не столько «атеизм» ученого, сколько его отношение к смыслу любого понятия как к термину, выполняющему особую конструктивную функцию. Точно так же критика Кантом использования понятий «бога» и «души» при эмпирически-ориентированных исследованиях и введение им этих понятий в этику обуславливается не «скрытым» атеизмом философа или религиозностью его ближайшего окружения, а конструктивными особенностями синтетических способностей человеческого разума.

В естественнонаучных областях, ориентированных, в конечном счете, на эмпирическую проверку и эвристическую процедуру конструирования

экспериментально просчитываемых результатов, понятия, выходящие за границы конструктивных способностей нашего разума, оказываются лишними. Не ложными, а скорее ошибочными, или, говоря языком теории понятий, превышающими по объему возможную область определения. Так, если мы в известное определение человека как «примата с мягкой мочкой уха» вместо родового признака «примат» вставим признак «божья тварь», то задача нахождения видового признака окажется неразрешимой в силу принципиальной бесконечности объема родового понятия.

С другой стороны, область автономной воли, обуславливающая необходимость *должного* поведения индивида в соответствии с его «человечностью», предполагает введение теоретически *возможных* конструкторов. Эти конструкторы призваны обосновывать: а) «собственно человечность», т.е. «бога» как гаранта взаимосвязи индивидуальных волей в рамках некоего предположительного «культурного» единства человечества и б) «индивидуальность», т.е. «бессмертие души» как непрерывности личностного начала в человеке, обосновывающего единственность его духовного опыта. Заметим, что обе конструкции вводятся как «эмпирически обусловленные», необходимые дополнения, обосновывающие эффективность «долженствования», вытекающего из первичной бесконечности «свободной» воли.

Данные иллюстрации, характеризующие отношение к понятиям, возникшее в век Просвещения и передавшееся нам, современным ученым, как духовных наследников этого века, показывают определенный дуализм в оценке понятия. С одной стороны, мы разделяем идею об относительной ценности исследований, основанных на частотности употребления тех или иных понятий. В конечном счете, даже в филологической среде «спор идет не о словах». С другой стороны, относимся к понятию как к неслучайному образованию и, даже более того, настаиваем, что, покуда человек мыслит, – он мыслит, создавая понятия. Если мы обратимся к истории европейской философии, то легко найдем подтверждение этого тезиса.

Так для Гегеля понимание оказывается синонимом мышления при помощи понятий. «В рассудочной логике понятие рассматривается обычно только как простая форма мышления и, говоря более точно как общее представление; к этому подчиненному пониманию понятия относится так часто повторяемое со стороны ощущения и сердца утверждение, будто понятие как таковое есть нечто мертвое, пустое и абстрактное. На деле все обстоит как раз наоборот: понятие есть принцип всякой жизни и есть, следовательно, вместе с тем всецело конкретное ... постольку, поскольку оно содержит в самом себе в идеальном единстве бытие и сущность».¹ В переводе с языка Гегеля на понятный это означает, что развитие науки, которая обеспечивает раскрытие сущностных связей вещей, процессов, состояний, находит свое бытийственное (реально существующее) воплощение в последовательном развитии своего понятийного аппарата. Именно поэтому при профессиональном овладении научной дисциплиной изучается история становления ее понятийного каркаса. Из гипотезы единства бытия и сущности возникает концепция *Begriffsgeschichte*, в соответствии с которой мы можем судить о степени развития научного (истинного) отражения действительности на основании изучения истории становления понятийного аппарата конкретной научной дисциплины. При этом проблема истинности, обозначенная выше, снимается тем, что «наука» объявляется единственной областью имеющей монополию на истину. Наследуют у Гегеля данную концепцию «научные» философии XIX - XX веков: марксизм и ... неокантианство.

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М, 1974. Т.3. С. 341 – 342.

Собственно говоря, в неокантианстве и выкристаллизовывается проблема двух типов понятий: естественнонаучных и *Geistwissenschaft*, – «гуманитарных», сказали бы мы сегодня, или «исторических» как их называет Г. Риккерт. Любопытно, что и марксизм вынужден в конечном счете признать существование той же проблемы. Просто в нем речь идет о существовании двух уровней науки: теоретического и эмпирического. Теоретическое исследование наследует не только научную монополию на истину, но и концепцию *Begriffsgeschichte*, эмпирическое – признается важной подготовительной стадией теоретического, но не достигающей определенного истинностного стандарта. В конечном счете, все эмпирические факты науки должны быть теоретически интерпретированы, т.е. привязаны к логике развития понятия. Таким образом, философские течения, культивирующие сциентизм, были вынуждены вводить рядом с логически сильной концепцией «собственно научного» понятия концепцию «особенного» понятия, ведущего к пониманию истинности, но как бы не доходящего до него.

Одновременно с этим в философских направлениях, ориентированных на гуманитарное познание (Дильтей, герменевтика), вводится категориальное различие понимания (*verstehen*) и объяснения (*erklären*). Начиная с учения о внутренней форме языка В. Гумбольдта, в которой «понятие» является производной не от полной и точной передачи истинного знания, возможного только в форме науки, а возникает в результате коммуникативного акта, в котором люди «взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий... благодаря чему у каждого вспыхивает в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы»², у данного направления в гуманитаристике было множество адептов. Из их исследований вытекает противоположность «понимания» как метода, присущего гуманитарно-историческому знанию и «объяснения» как методу естествознания. Распространив же данное различие на анализ существующей системы наук, мы получили уже знакомую нам по работам неокантианцев дихотомию «наук о духе» и «наук о природе». Мы не будем описывать почти 150 - летний спор философов, это уже не раз успешно проделано. Сошлемся на выводы, которые не разъединяют объяснение и понимание, а связывают их в рамках одной процедуры интерпретации текстов. «Текст» – автономный продукт, находящийся на стыке понимания и объяснения. «Если интерпретация не может быть понята без этапа объяснения, то объяснение не способно стать основой понимания, которое составляет существо интерпретации текстов. <...> Понимание предполагает объяснение в той мере, в какой объяснение развивает понимание. Это двойное соотношение может быть кратко выражено девизом: больше объяснять, чтобы лучше понимать»³.

Итак, с одной стороны мы не желаем отказываться от строго логической процедуры определения понятия, усматривая в этом отказ от собственно научного содержания самого характера нашей работы. С другой стороны, анализ предмета нашего исследования – «языка», со всей очевидностью указывает нам на преобладание в реальном языке коммуникативных стратегий с их логически несовершенным обращением с понятиями. Да и сами мы, за пределами профессионального подхода, остаемся обыкновенными обывателями и используем понятия, не имеющие ни малейшего отношения к науке. Однако заметим, что в обоих случаях мы исходим из анализа самого предмета нашего исследования, просто в первом – мы рассматриваем логическую форму «понятия», а во втором – его реальное осуществление.

² Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 165 – 166.

³ Рикёр П. Понимание и объяснение // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т.3. С.284 -285.

Безусловно, редукционизм и, особенно, редукционизм к предмету, является естественной формой существования научного знания. Но, иногда, когда внутринаучные споры приводят нас к противоречиям, например, между «что мы исследуем?» и «как мы исследуем?» – самое время задать вопрос «зачем мы исследуем?». Ответ на этот вопрос нужен нам, чтобы понять, какие эмпирические следствия должны подтверждать истинность нашей работы.

Тем самым мы возвращаемся к началу нашей работы, где утверждали логическую независимость «понятия» от истинности. И, если мы признаем, что одной из целей человеческого существования является культурная коммуникация, то есть «понимания другого человека», по крайней мере, в рамках своей культуры, а не познание истины самой по себе, то нам остается только допустить, что эта коммуникация достигается путем естественного создания «логически неправильных понятий» – тропов.

Мы предполагаем, что предметом историко-филологических исследований должно быть исследование возникновения и использование тропов (логически неверных переносов смыслов отдельных понятий при создании устойчивых фраз идеологического дискурса) как коммуникативных средств. И если мы согласимся, что с помощью использования тропов достигается некий устойчивый стиль коммуникации, «по определению неотделимый от своего контекста»⁴, то остается допустить, что художественная литература, политическая публицистика, государственные акты и правовые документы могут создавать тропы для принципиально разных целей, и функционирование этих тропов может иметь различную историю. При этом многие художественно-поэтические тропы, несмотря на различное отношение к ним в рамках различных литературных жанров и школ (например, отношение А.С.Пушкина к романтизму во время создания «Евгения Онегина»), чрезвычайно устойчивы. В то время как тропы созданные для общественно-политических дискуссий довольно быстро утрачивают свой обозначающий смысл, например, «военный коммунизм», «либерал-демократ», «суверенная демократия».

Видимо, это связано с тем, что в мировоззрении людей вопросы властных отношений являются более значимыми в эмоциональном и практическом смысле, чем вопросы эстетического восприятия литературных произведений. А раз так, то и деконструкция смыслов общественно-политических тропов происходит с большей заинтересованностью. Можно предположить, что поэтическая и литературная метафора не первична и является скорее поздним продуктом развития иных коммуникативных сред. «До сих пор риторический анализ высказываний не позволяет выявить специфичность поэзии, которая в каких-то других своих измерениях противопоставлена аргументации и рекламе»⁵.

Итак, нам нужно ответить на вопрос «почему люди используют неправильные понятия»? Рискнем предположить, что потребность заменить «истину» иллюзией не нова. Она вытекает из двух атрибутов, присущих человеку, как родовому существу. Человек – социален и целесообразен. В качестве целесообразного существа он должен иметь представления о мире, в котором существует (или мировоззрение), в качестве социального существа он должен согласовать это свое представление с другими людьми. Общение между людьми происходит не столько в форме передачи конкретных научных знаний, сколько в символической форме передачи узнаваемого образца,

⁴ Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М., Менге Ф., Пир Ф., Тритон А.. Общая риторика. М., 1986. С.275.

⁵ Там же. С. 266.

«поскольку социально детерминирована не природа идей, а средства их выражения»⁶. А так как нахождение смыслов своей жизнедеятельности для последующей самоидентификации – «процесс социальный, протекающий не в голове, а в том коллективном мире, где люди говорят, дают вещам имена, делают утверждения, и в какой-то степени друг друга понимают»⁷, то и анализировать нужно не столько процесс идеализаций, происходящих при познании мира, сколько процесс идеологизации наших знаний, позволяющий людям создавать необходимые им в реальной жизни ориентиры. В этом плане любая идеология должна рассматриваться как культурная схема – «программа», снабжающая нас «шаблонами и чертежами для организации социальных и психических процессов»⁸. В конечном счете, объясняя мир, люди выбирают себе идеологии, исходя из удобства в объяснении реальности. Потребность в идеологии наступает для индивида тогда, когда он, в силу каких-либо причин, не в состоянии ответить сам на смыслообразующие вопросы своего существования.

Мы предполагаем, что этих вопросов ограниченное число. Отношений, которые обуславливают факт длительного существования человека «как существа, задающего осмысленный вопрос», немного. Первое, это отношение человека с природой или внешним для него миром, в состав которого могут входить даже другие люди, если отношения между человеком и этими людьми подчиняются исключительно природным законам (всё, что не такое, как «Я»). Второе – это отношения между человеком и другими людьми, которые основаны на признании того, что другие люди тоже такие же люди, при этом «человеческое» отношение может распространяться на все, что человек «приручил», будь то домашние животные, растения, машины и другие предметы, не имеющие никакого отношения к собственно социальной сфере (все, что такие, как «Я»). И, наконец, последнее – это саморефлексия по поводу собственного «Я»; оно вторично, т.к. возникает лишь в те моменты, когда в первых двух отношениях возникают проблемы, и достаточно устойчиво, потому что, будучи установленным, существует до следующих серьезных проблем в первых двух сферах⁹.

Вступив в эти отношения, человек вынужден отвечать на ряд вопросов. При этом истинность ответа обуславливается определенной процедурой проверки как осмысленности самого вопроса, так и адекватности полученного на него ответа. Первичная дихотомия «не Я» и «Я» оказывает непосредственное влияние на эти процедуры, постепенно формируя две независимые друг от друга области исследований: науку и этику. Сложнее с третьим отношением: человека к самому себе как к «Я». По большому счету, никакой процедуры установления объективной истинности данное отношение не предусматривает. Изменение «Я» происходит в результате внутреннего переживания, которое принципиально недоступно процедурам эмпирических проверок. Однако вторичность саморефлексии, порожденной либо внешними по отношению к моему «Я» проблемами, либо проблемами моего «Я» с «Другими как Я» порождает две близких, но отличных друг от друга формы самосознания человека: искусство и религию¹⁰.

⁶ Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение М. 1998 С.20.

⁷ Там же. С.21.

⁸ Там же. С.23.

⁹ «Представления, которые создают себе эти индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо о том, что такое они сами...» (Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. Т. 2., С. 19).

¹⁰ «Бог как дух должен быть постигнут как присутствующий в своей религиозной общине.» (Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. С.383).

Вопрос об отношении к внешнему для «Я» миру можно представить как вопрос «как устроен этот мир?». Очевидно, что любая попытка ответить на этот вопрос должна проводиться с помощью конструирования таких категорий как объект (количество, качество), причина или отношения, в которых он (объект) взаимодействует с другими объектами. Единицей анализа должен быть подтвержденный наукой факт, а любое теоретическое построение должно рано или поздно быть подвергнуто эмпирической проверке. Из идеального исследования должны быть удалены антропоморфизмы, а результат сформулирован либо в виде эмпирической закономерности, либо теоретического закона. Соблюдение всех этих правил позволяет получить ответ на вопрос «как именно функционирует предмет», который мы исследуем. В конечном счете, предсказать, как он будет функционировать в дальнейшем. В силу того, что научное знание преимущественно направленно на независимый от человека объект, наиболее важной для ее функционирования становится корреспондентская концепция истинности.

Этические вопросы есть парафраз проблем, которые возникают у человека при констатации несправедливости человеческих отношений. Как вести себя с другим человеком, чтобы при этом оставаться человеком самому? Необходимыми категориями, описывающими эти отношения, являются: субъект, который берет на себя ответственность за свои действия по отношению к другому субъекту; поступок, в котором происходит взаимодействие с другим субъектом; оценка поступка с точки зрения цели или идеала и дескриптивное определение правильности или неправильности данной оценки. А так как последствия любого человеческого поступка нам неизвестны в силу невозможности просчитать вариативность будущих событий, субъекту приходится конструировать мотив, помогающий оправдать возможные будущие негативные оценки последствий поступка. В данном случае мы не хотим сказать, что любой человеческий поступок мотивирован исключительно задним числом, нашей целью не является ниспровержение психологии и юриспруденции. Наоборот, само существование в этих дисциплинах проблем выявления «истинности» или хотя бы единственности мотива того или иного поступка показывает нам отсутствие однозначно принятого на сегодняшний день ответа на этот вопрос. Возможно, это не случайно. Возможно, никакой мотивационной «однозначности» просто не существует, и в своих поступках человек руководствуется сиюминутной смесью рациональной или интуитивной, психологической или культурной установки. У нас нет ответа на вопрос: «как это происходит на самом деле?» В чем мы уверены однозначно, что покуда этот поступок социален, в силу социальности любого этического поступка, у субъекта поступка возникает потребность в объяснении своих действий, в том числе в категориях «добра» и «зла». А так как объяснение дается «соучастникам» поступка, идеологический шаблон выступает достаточно эффективным средством. Таким образом естественная моральная установка, возникающая в узком кругу культурно образованных «своих», может замениться ценностно ориентированной, идеологически «правильной» установкой, ориентированной на взаимодействие с «чужими». В силу того, что граница между «своими» и «чужими» непостоянна, а в большинстве случаев вообще неопределенна, «естественной общечеловеческой» системой моральных ценностей оказывается утилитаризм. По крайней мере, он помогает избежать крайностей субъективизма, присущих гедонизму и перфекционизму. Возможно, именно в силу этого прагматическая концепция истинности оказывается естественным регулятором этически спорных положений.

Переходя к третьей составляющей мировоззрения мы хотели бы отметить тот факт, что этическая составляющая этоса может не совпадать с эстетической. Если

выразиться точнее, этически правильный поступок или действие почти всегда получает и положительную эстетическую оценку, но эстетически положительное восприятие не всегда коррелирует с положительной этической оценкой. На данный факт указывал еще Конфуций: «Тот, кто красиво говорит и обладает привлекательной наружностью, редко бывает истинно человечен». В современной этике широкое распространение получил тезис об автономности морали. Условно назовем его тезисом Канта - Мура, в соответствии с ним мораль должна быть принципиально автономна, т.е. не зависеть в своих основаниях ни от одного внешнего по отношению к ней факта.

Ранее мы объединили искусство и религию в одну форму саморефлекторного отношения человека к действительности. Теперь необходимо их разделить. Искусство в миметической форме дает возможность человеку осмыслить и принять свое отношение к миру таким, каким он (мир) может быть. Потребляя произведения искусства, человек сопереживает не тому, что с ним происходит, а тому, что с ним могло бы произойти, оказись он сам на месте персонажа произведения искусства. В силу ограниченности реальной жизни, человек, потребляя произведения искусства, в превращенной форме удваивает или даже утраивает свою жизнь, оказываясь в тех ситуациях, в которых никогда в реальности оказаться бы и не смог, например, при рождении младенца в Назарете или на тexasском ранчо наедине с маньяком. Он «проживает» в миметической форме «настоящую человеческую жизнь», а не то обыденное существование, которое ему приходится «влачить» изо дня на день. Поэтому по распространенности жанров мы можем судить о том «мире», который человека имеет в своем представлении, отдавая при этом отчет в идеальности данного представления.

Ответ на вопрос «что есть я?» в традиции давала религия. Форма ответа определяется тем, что область этого вопроса есть сфера эмоционального, по существу в религии человек имеет дело исключительно со своими эмоциями и чувствами. Эмоция же не имеет субъекта, она имеет только форму. И основной вопрос будет в том, соответствует ли конкретное переживание определенной форме или не соответствуют. Этот ответ человек принимает не в силу рационального понимания, а через переживание. И именно переживание удостоверяет для него истинность ответа. Соответственно возникает проблема постоянства переживания, которая оказывается неразрешимой в силу естественной психологической изменчивости субъекта и бесконечности объекта. И в силу этих же причин ни прагматическая, ни корреспондентская концепция истинности не оказывает существенного влияния на эту сферу общественного сознания. Скорее наоборот, религиозная функция мировоззрения существует не благодаря «голому» прагматизму или научно-обоснованному взгляду на мир, а в противовес им. В силу того, что основная задача «постоянства переживания» не снимается, для обоснования тех или иных положений широко используется когерентная концепция истинности.

В отличие от искусства религия утверждает, что рефлекторная форма, в которой осмысливается положения «Я» среди других «таких же Я» и является единственно действительным миром. Мимесису искусства религия противопоставляет «факт» чувственного переживания человеком «осмысленности» действительности в антропоморфной форме ее «целесообразного» устройства.

Так как действительность, которой задаются данные вопросы, осмысленна, — сам вопрос принимает целесообразную форму: «за что я страдаю?» Это вопрос об определенности «Я» через соотнесенность его перспективы со смертью и жизнью социального слоя, сформировавшего уникальность данного «Я». Мы способны сопереживать чужому горю, но лишь свое собственное горе ставит перед нами проблему «переживаемости мира, возможности упорядочить свои чувства, придать

определенность своим эмоциям для перенесения мира»¹¹. Смерть и страдания близких тебе людей обесмысливают твою жизнь. Ведь смысл жизни «Я» задается не из себя, его определяют люди, которые либо выступают для него как авторитет, либо для которых оно является авторитетом. И, если смерть прерывает эту связь, то вне данной ответственности социально-психологическая жизнь теряет смысл. Однако ни смерть, ни страдания невозможно предотвратить. Их причина может быть обезличенна, а справедливое отмщение невозможно или бессмысленно. Поэтому формой ответа становится наделение естественной социальной ситуации сверхъестественным, трансцендентным (часто природным) смыслом, но при сохранении обращения к этому трансцендентному как к субъектному. «Что я сделала тебе, почему ты так относишься ко мне?» или «Господи, помоги».

Тем самым в искусстве и в религии происходит как бы удвоение мира. В искусстве, через создание подражательных моделей. В религии, через переживание участия в ритуале, например, христианской молитве, которая, помогая выстрадать (и тем самым пережить) возникшую духовную потребность, порождает веру в бога как в определенную Картину Мира. Человек, при помощи религии, переходя через переживание из мира имманентного в мир трансцендентный, получает объяснение своей собственной имманентности. Именно поэтому конвертация религий невозможна, т.е. религиозный человек признает, что любой другой человек религиозен, но будет настаивать на истинности именно своей веры, т.к. в конечном счете, она имманентна именно его переживаниям. «Комплекс религиозных представлений, создающий образ космического порядка, есть в тоже самое время комментарий на земной мир социальных отношений и психологических процессов. Он делает их доступными пониманию. Но эти представления больше чем комментарии; они также – шаблон. Они не просто объясняют социальные и психологические процессы с точки зрения космоса... – они формируют их»¹².

Поэтому религия, являясь одной из форм мировоззренческих отношений человека к окружающей его реальности, одновременно может выполнять всю идеологическую функцию. Более того, в традиционных обществах религия и играла роль идеологии, давая ответы на все мировоззренческие вопросы. Поэтому в религиозной и эстетической области мы находим такое количество тропов и именно поэтому мы пытаемся освободиться от них в этике и науке.

Так, имея в основании один и тот же прием смещения или перенесения объемов понятий, «идеализированные понятия науки» и «литературные тропы» выполняют прямо противоположные задачи. История становления понятийного аппарата науки является историей создания универсальной модели, описывающей единственность многообразия реального мира. Изменение поэтического языка порождается сменой стилей с целью создания многообразия в единичности реальной жизни человека. В случае науки исследование «истории понятий» помогает нам понять, при помощи каких средств мы можем ограничить естественную бесконечность окружающей нас реальности. В то время как изучение «истории искусств» показывает нам неизбежность повторов и цитирований художественных средств в силу принципиальной неизменности истории «естественной человеческой» жизни.

¹¹ Гириц К. Интерпретация культур. С. 122.

¹² Гириц К. Интерпретация культур. С. 143.